

Дивный Старец

I.

Тимофей Павлович Голенков родился в 1884 году в селе Новая Михайловская на землях, которые некогда принадлежали Войску Донскому. Но казаком он не стал, ибо душа его искала Царствия Небесного. Он обошел около 200 русских монастырей. Паломничал в Иерусалим и Святую Землю (Израиль). Дошел до Святой горы Синай. И в 1908 году в свои 24 года пришел на Святую гору Афон.

Где и подвизался 60 лет.

Приведем почти полностью жизнеописание отца Тихона, написанное старцем Агафангелом:

«Родители отца Тихона были благочестивыми людьми. Они сохранили знаменитое русское благочестие прошлого века. Старец говорил о своей матери, что она была святой женщиной. В среду и пятницу ничего не вкушала, все свое время посвящала молитве, и из ее глаз непрестанно текли слезы. Сам он тоже имел дар слез. Слезы были его ежедневной пищей. Он верил, что слезы есть знак Божественной милости и что с их помощью омывается душа.

С детства ему нравилось посещать монастыри. Он не мог дожидаться, пока и сам получит Божие благословение оставить мир, чтобы приблизиться к Богу и посвятить себя молитве, потому что ничто тленное не радовало его. Он жаждал небесной вечности и нескончаемой радости.

Когда он выучился грамоте, его любовь к псалмопению и церковной музыке вскоре сделала из него замечательного певца. Он всегда ходил в церковь и пел в хоре, став через некоторое время регентом.

По благословению своих родителей он решил посетить Иерусалим и Святую Гору. Боголюбивый юноша отправился в путь вместе с другими паломниками. Когда он прибыл в Константинополь, то познакомился с экономом русской святогорской келлии Буразери.

Эконом спросил его:

— Хочешь стать монахом?

— Хочу, — ответил он. — Делай поклон, и с сегодняшнего дня ты являешься послушником нашей общины святителя Николая.

С великой радостью и слезами благодарности юноша попросил отпустить его поклониться сначала святым местам.

Совершив паломничество в Святую Землю, он вернулся на Святую Гору и присоединился к братии Буразери на Святой Горе Афон. Через год его постригли в монахи.

Любовь к безмолвию и жажда подвигов заставили отца Тихона оставить добрую братию скита и поселиться в самом суровом месте Святой Горы — на страшной Каруле. Здесь он прожил в пещере приблизительно пятнадцать лет. Его подвиг был суровым и неослабным. Он делал свыше шестисот поклонов за ночь. Ел один раз в три дня, а часто и однажды в неделю.

Каждую субботу он ходил причащаться в скит святого Георгия и потом сразу возвращался в свою пещеру. Его пещера находилась у основания скита святого Георгия и сохранилась до наших дней.

В скиту святого Георгия жил тогда один мудрый и по жизни и по Богу старец, которого он называл своим учителем. Этот старец, его учитель, давал ему каждый месяц по святоотеческой книге. Возвращая ее, отец Тихон должен был рассказать ее содержание, а также то, что он из нее понял. Если ответ не был точным, старец не менял ему книгу. Таким образом он изучил труды всех отцов нашей Церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Симеона Нового Богослова и других. Особенно он полюбил святого Симеона.

Когда в 1914 году началась мобилизация русских монахов, отец Тихон тоже пришел в русский скит Фиваиду. Представители власти, увидев его как бы лишенного тела, начали расспрашивать, где и как он живет. Карульский пещерник внушил к себе такое почтение, что они отпустили его, чтобы он продолжал свой подвиг и молился за них. Он немедленно вернулся в свою пещеру и теперь еще больше предался аскезе и молитве, чтобы восполнить и укрепить своих сражающихся на поле брани братьев.

Из приблизительно семисот монахов, которые тогда уехали, назад вернулись только два-три человека. Одним из них был старец Афанасий из

келлии Святого Креста в Провате, который был очень близким другом отца Тихона. Бог благоволил, чтобы он предал свой дух у меня на руках. Впоследствии отец Тихон много рассказывал мне о нем. Тот имел непрестанную умную молитву. Он молился и днем, и ночью, не переставая призывать Бога даже тогда, когда разговаривал или спал. Когда отец Тихон рассказывал об этом, то обмолвился и о себе: «И я, дитя мое, когда сплю, сердце мое произносит молитву... Когда творишь молитву, — сказал он мне, — сердце твое должно приклеиться сверху к молитве, — и он изобразил это пальцем на стене, — как клей склеивает».

После пятнадцати лет аскетических упражнений старец оставил Карулю и переселился в район Калиагры. Здесь ему было видение пасхальной ночи, и он с радостью пропел все последование Воскресения Христова. На следующее утро пришел его духовник и сказал ему, чтобы он пошел в монастырь Ставроникита, к которому была приписана его келлия, и принял рукоположение во священника. Он так и сделал.

Так как в его каливе не было церкви, он с великим старанием и благоговением начал ее постройку. Денег у него не было, и поэтому он решил пойти в Карею искать пожертвования. По дороге он встретил одного монаха и сказал ему, что хочет построить церковь в честь Святого Креста, однако не имеет для этого денег. Монах был поражен, потому что как раз в тот день получил денежный перевод с тем, чтобы отдать деньги тому, кто хочет построить храм. Радости и волнению отца Тихона не было конца. Он немедленно пригласил строителей и перестроил небольшую комнатку своей келлии в церковь, которую сильно полюбил.

Во время Божественной Литургии старец приходил в возвышенное духовное состояние, так что, начиная службу утром, не замечал, как наступал вечер. С великим благоговением читал он молитвы Божественной Литургии, которые выучил наизусть. Он читал их не про себя, не громко, но так, чтобы их можно было слышать. Во время Херувимской песни и Евхаристического канона он вместе с Ангелами воспевал гимн на небесах, видел после этого духовным зрением то, что совершалось на Святом престоле, и завершал Литургию, не замечая, как проходило время. Он не ждал вечера, чтобы читать правило ко святому Причащению, но начинал его уже с полудня. Целый день он готовился к следующей Божественной Литургии и приобщению. Старец говорил, что верующий, чтобы стать причастником Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, должен готовиться к этому все двадцать четыре часа.

Во время проскомидии, на протяжении многих часов подряд он поминал имена из записок. Также в конце Литургии он заново поминал все имена. Когда он состарился и уже не мог служить, я приходил к нему, совершал Литургию и оставлял Святые Дары, которые он нарезал на кусочки и причащался каждый день. От тех, кто пек просфоры, он требовал, чтобы это делалось с молитвой и благоговением, ибо просфоры становились Телом Христовым. Он показал мне, как нужно в пяти местах накалывать тесто для просфор, чтобы в нем не образовывалось пустот. Таким же хорошим должно быть и вино.

С великой простотой он говорил мне, что ангелы, пророки, апостолы, святители, мученики, преподобные, бесребреники и все святые

присутствуют, когда мы поминаем их на проскомидии, а также приходят на помощь всем, за кого вынимаются частицы.

Духовные советы отца Тихона были каплями его сердечного опыта.

«Чтобы найти хорошего духовника, — говорил он мне, — нужно молиться три дня, а затем — как Бог просветит. И по дороге, пока идешь к своему духовнику, нужно молиться, чтобы Господь просветил его и он преподал тебе хорошее наставление».

«Всегда молись перед началом всякой работы. Говори: «Боже мой, дай мне силы и просвещение», — и после этого начинай свое дело; а в конце говори: «Слава Богу»».

Старец Тихон Афонский преставился 10/23 сентября 1968 года в келлии Честного Креста. В упомянутой келлии о. Тихон в последние годы жизни принимал монахов со всей Святой Горы, в том числе и будущего старца Паисия Святогорца. Умирая, старец Тихон завещал отцу Паисию свою келлию, обещая ему «приходить, чтобы увидаться с ним». Как вспоминал позже старец Паисий: «Было 10 сентября 1971 года, полночь. Я творил молитву и внезапно увидел, как в келлию входит мой Старец! Я подскочил, схватился за его ноги и с благоговением целовал их. Я не понял, как он освободился из моих рук, вошел в храм и исчез. Конечно, никто не понимает, как происходят такие события. И их невозможно объяснить логически, поэтому они и называются чудесами. Я тотчас зажег свечу (в то время как это случилось, у меня горела лишь лампада), чтобы записать в календаре тот день, когда мне явился Старец, чтобы не забыть. Когда я увидел, что это был день его успения (10 сентября), то очень огорчился тем, что этот день прошел для меня совершенно незаметно. Полагаю, что добрый отец простит меня, потому что в тот день с рассвета до заката у меня было много посетителей, я очень устал, выбился из сил и совершенно забыл обо всем. Иначе я бы что-нибудь предпринял, чтобы и себе принести пользу, и Старца порадовать всемогущим бдением».

Преподобный Паисий Святогорец много вспоминает о своём духовном отце в книге «Отцы-святогорцы и святогорские истории». Ниже мы приведём несколько воспоминаний о старце Тихоне.

«Он пришел на Святую Гору и, подобно невинному цветку, возрос в саду Божией Матери, преуспел и начал благоухать своими добродетелями, как мы увидим это позже.

Его первой обителью стал скит Буразери, где он прожил пять лет. Однако, не найдя здесь покоя из-за множества русских паломников, он взял благословение и перешел на Карулю, где подвизался на протяжении пятнадцати лет. Все время своего пребывания на Каруле он провел в суровых подвигах. Его рукоделием были большие и малые поклоны в соединении с молитвой Иисусовой и чтением. Книги он брал на время в монастырях, из которых получал также благословение — сухари от "избытков укрух". В благодарность за это он совершал дополнительно определенное число молитв по четкам. Таким образом он усердно подвизался, чтобы и внутренне стать Ангелом, а не только внешне иметь ангельский образ.

После Карули он перешел на мыс Капсалы (выше Калиагры), в келлию, принадлежавшую монастырю Ставроникита, и принял на себя заботу об одном старце. Когда этот старец умер, он, взяв у него заранее благословение, остался жить в его каливе. С тех пор он не только не ослабил своих духовных подвигов, но еще больше их усилил, за что и получил обилие благодати Божией, подвизаясь с ревностью и великим смирением.

Божественная благодать явила его людям, и многочисленные страждущие начали стекаться к нему за советом и утешением. Некоторые просили его принять священный сан, чтобы он мог еще больше помогать людям, через Таинство исповеди подавая им оставление грехов. Он и сам постепенно убедился, что действительно существует такая необходимость помогать людям, и согласился принять рукоположение /.../

Очень по душе ему были убогие вещи. Также он любил нестяжательность, которая сделала его свободным и дала ему духовные крылья. И так, с окрыленной душой, он сурово подвизался, не чувствуя телесного труда, как ребенок не ощущает усталости, когда исполняет волю своего отца, но, наоборот, чувствует любовь и нежность отца, которые, конечно, даже мысленно невозможно сравнить с Божественным благодатным утешением.

Как я уже сказал, его рукоделием были духовные подвиги: пост, бдение, молитва, поклоны и так далее, и не только за самого себя, но и за всех (живых и усопших). Когда он уже состарился и не мог подниматься после земного поклона, то привязал высоко толстую веревку и держался за нее, чтобы вставать. Таким образом, он и в старости продолжал делать поклоны, с благоговением поклоняясь Богу. Он соблюдал это правило до тех пор, пока не слег в кровать, после чего, отдохнув двадцать дней, перешел в истинную и Вечную Жизнь, где со Христом отдыхает уже вечно. До самой старости он постоянно соблюдал то же правило сухоядения, какое имел в молодости. Приготовление пищи он считал пустой тратой времени: хорошо приготовленная еда не соответствует монашеской жизни. Естественно, что после стольких подвигов и при таком его духовном устроении хорошая пища не вызывала у него никаких чувств, ибо в нем обитал Христос, Который улаждал его и питал райской пищей.

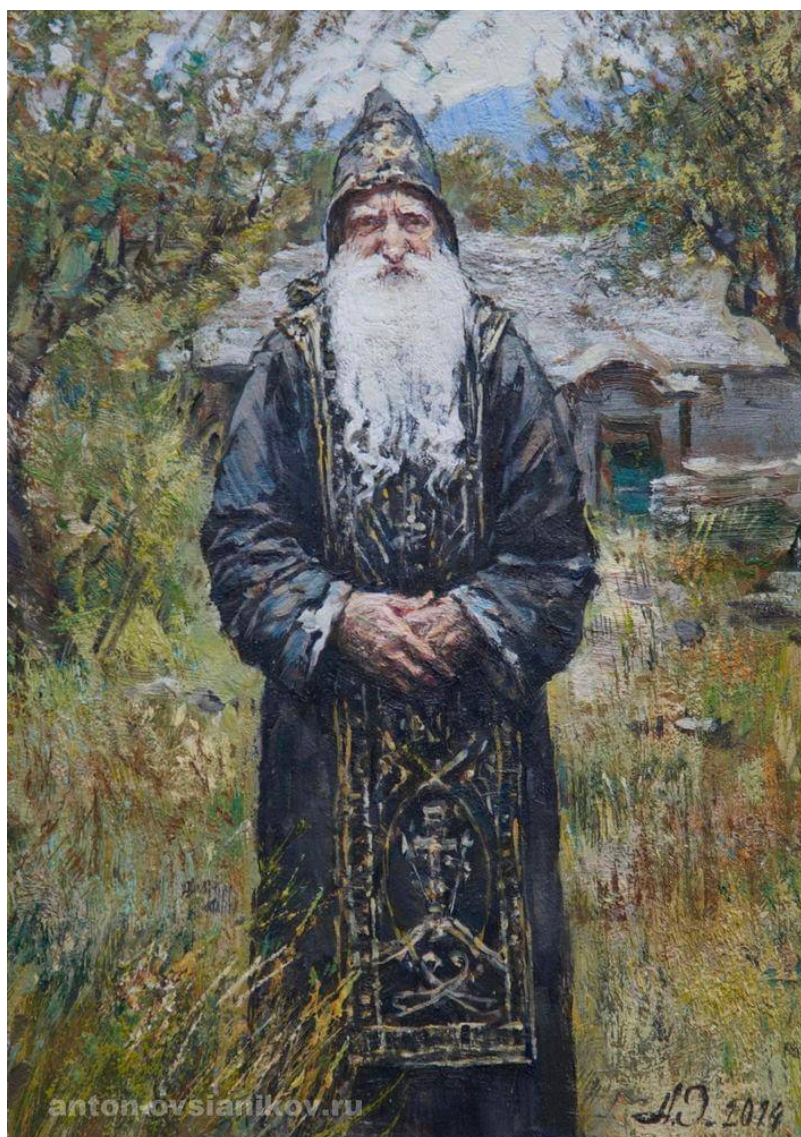
Во время своих бесед он всегда говорил о сладком рае, и из его глаз текли слезы умиления. Когда мирские люди спрашивали его о чем-либо, его сердце не отвлекалось на суетное /.../

Для отца Тихона почти каждый день года был пасхальным, и он всегда жил пасхальной радостью. Постоянно из его уст было слышно: "Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже". Он и всем советовал: "Будем говорить "Слава Тебе, Боже" не только тогда, когда нам хорошо, но и тогда, когда к нам приходят испытания, ибо Господь попускает их как лекарство для души".

Старец очень скорбел о душах, страдавших от безбожной власти в России. Он говорил мне со слезами на глазах: "Дитя мое, Россия еще несет епитимью от Бога, но все переживет".

О себе старец совсем не заботился. Он также ничего не боялся, потому что имел великий страх Божий (был как бы связан им) и благоговение... Поскольку его ум постоянно пребывал в Боге, он приобрел телесную бесчувственность, и поэтому не испытывал ни малейшего беспокойства ни от мух, ни от комаров, ни от вшей, которых у него были тысячи. Все его тело было искусано, а одежда покрыта красными пятнами. Помысел говорит мне, что, если бы насекомые даже шприцами сосали его кровь, он все равно этого не чувствовал бы. В келлии старца всему предоставлялась полная свобода: от насекомых до мышей».

II.

Был 2014 год. По благословению и на средства Лысковского епископа Силуана лысковские священнослужители посетили Святую гору Афон.

Мы объехали многие монастыри. Познакомились с укладом жизни монашествующих и паломников. Были тепло встречены во всех обителях. Нас сопровождал молодой человек.

-Вы хотите побывать в каливе, в келлии отца Тихона? – обратился он к нескольким русским священникам.

Мы, конечно, согласились. Хотя, к своему стыду, на тот момент об этом старце я ничего не знал. Только из рассказа нашего гида начала складываться представление об этом монахе.

- А еще он сегодня известен именно благодаря святому Паисию Святогорцу, который был духовным его сыном.

Пробираясь через кусты и деревья мы пришли в уютное местечко.

Единое зданьице делилось на небольшие части. Одна из них – крохотная келья с деревянным дощатым ложем. И небольшой, но уютный и благодатный храм. У окна небольшой престол. Очень пожалелось, что нельзя было здесь поночевать и отслужить Божественную Литургию.

На могилке старца мы отслужили литейку.

На картине Антона Овсянникова старец написан как раз на фоне той самой каливе.

Уходили мы от святого места, и на душе было легко и радостно. Словно повстречались с самим старцем...

*Память св. мчч. Назария, Гervasия Протасия и Кельсия;
прп. Николы Святоши; свщмч. Сильвана Газского.
2026
Графское.*